

Текст · 23 февраля 2024, 09:37

Павел Васильев,

«Раз они его убили, теперь я/мы — Навальный». Рассказывают задержанные за возложение цветов

С появления первых новостей об убийстве Алексея Навального прошла ровно неделя. Несмотря на сотни задержанных, по всей России люди продолжают нести цветы к стихийным мемориалам. «Медиазона» поговорила с несколькими из них и лишний раз убедилась, что даже символическое коллективное действие — лучший способ справиться с отчаянием и безысходностью.

Иван, Петербург

Задержан 16 февраля у памятника жертвам политических репрессий на Воскресенской набережной

Я узнал, что Алексей Навальный умер, спустя две минуты, как эта новость вообще появилась в телеграме. Причем не сам узнал. Некоторые ребята с работы аполитичны, но они знают мои взгляды, знают, что я Алексея очень любил и уважал. Они прибежали и даже с шуткой мне об этом сказали. Новость просто шокировала меня, меня начало колбасить, я не мог ни о чем говорить.

Пока я не узнал, что там возлагают цветы, я не мог ни о чем думать. А как только услышал, то сразу туда

поехал. Я даже с работы не отпрашивался, потому что я уже не мог на месте сидеть.

Я сам верующий, и для меня Навальный, вся эта история — она очень похожа на евангельскую историю. Иисус пожертвовал собой, чтобы показать, как надо жить. И Навальный сделал то же самое. Он отдал свою жизнь для того, чтобы в России что-то изменилось. Он верил в нас всех, он говорил, что если он умрет, значит, мы как никогда сильны. И он добровольно пошел на этот крест. Я был поражен этой новостью — с одной стороны, а с другой стороны, очень воодушевлен его мужеством.

Я чувствую себя безумно виноватым. В последнее время я уже мало следил за Алексеем, за тем, что он пишет. Как-то меня поглотили дела, жизнь — вроде работа кипит, много всего интересного... Я очень люблю свою жизнь. У меня ребенок есть, благодаря которому я отделался штрафом.

Но в тот момент я понимал, что если его жертва останется без внимания, если не почтить его память, то я не смогу этого себе простить.

И как только я узнал, что на Воскресенской набережной у нас есть этот памятник, я туда поехал. Распечатал фотографию Алексея, купил лампадку в церкви. Когда я туда ехал, я уже, если честно, со всеми попрощался — я особо не знаю законов, но я знал, что Алексей был признан экстремистом, и мне казалось, что меня сейчас просто скрутят на хрен там сразу. Но я понимал, что по-другому не могу.

Припарковал машину на набережной, взял эту фотографию и пошел к памятнику. Оказалось, что там стояли только люди — полицейских еще не было. Я знаю, что в других городах, в Москве, там сразу полицейские объявились.

У памятника было, наверное, человек 50, когда я подошел. Но вместе со мной непрерывно приходили, приходили, приходили люди.

Я понимал, что рискованно лицом светить. Меня еще с работы могут уволить за это — завтра^[1]

поеду с начальником разговаривать. Но мне хотелось кричать.

У нас в стране какая-то ужасная обстановка.

Человек-герой, настоящий пассионарий, человек самоотверженный идет на подвиг, и про него даже нельзя говорить, получается. У людей вообще просто шарики за ролики, им кажется, что если ты просто слово «Навальный» произносишь на ушко кому-то, то тебя уже запытают в ФСБ.

Но скорее всего, если ты выходишь сказать свое слово — максимум, что будет, это арест. Как и было для большинства людей. Просто пять суток. Мне дали штраф, потому что у меня дочка. Я ее один воспитываю, поэтому меня отпустили, штраф 10 тысяч всего.

И если даже меня сейчас начнут как-то ущемлять — ну, я хотя бы не молчу, блин! Моя совесть будет чистая, правда. Я очень боюсь потерять свою жизнь. Не биологическую, а все, что мне дорого — мои увлечения, мою дочку, мою работу. Я безумно люблю

свою дочку, обожаю ее. Я не знаю, как это объяснить, но, видимо, у нас действительно страна в таком состоянии...

Я разговариваю со всеми вокруг, и все люди, которых я знаю — против Путина. Но они все боятся и не верят в нашу страну. Тех, кто за Путина, — единицы. Если мы пойдем на какие-то жертвы — не как Навальный, а если мы просто будем готовы на пять суток ареста, если вся страна будет к этому готова — то Путин и его власть растворятся, как дым.

Многие думают, что власть Путина абсолютна и безгранична. Ни хрена подобного. Если бы это было так, не надо было бы вот этого страха огромного. Не надо было бы убивать Навального, не надо было бы всех разгонять. Зачем такие конские меры, вот эти безумные штрафы, пять суток за цветочки? Этого не нужно было бы, если бы его власть была настоящей.

Наш главный враг это не Путин. Наш главный враг — это страх людей и вот эта запуганность, компромиссы с совестью, наверное. Путин просто пользуются нашими же слабостями.

И мне кажется, сейчас именно смерть Навального — это такой катализатор. То, что происходит — вот это уже какая-то крайняя точка, и крайнюю точку чувствуют миллионы людей в России.

А тогда мне было важно попрощаться с Алексеем. Перед тем как уйти, я подошел к мемориалу, сказал пару слов Алексею — и вот в этот момент меня задержали и посадили в автозак. У нас такая приятная компания была! Вроде и страшно — сидишь, но было

ощущение, что я как будто какой-то долг возвращаю стране, Алексею лично.

И мне даже было приятно, что меня задержали, что у меня проблемы. Как будто это очищает мою совесть. Мне кажется, что у тех, кто со мной был, тоже было что-то подобное.

Наталья, Нижний Новгород

Задержана 16 февраля у здания ГУ МВД по Нижегородской области рядом с народным мемориалом на месте самосожжения журналистки Ирины Славиной

Я чувствовала ярость, если честно, и очень большую злость. Потому что нельзя сказать, что это известие было неожиданным. Мы все предполагали, что это может случиться. Но то, как это произошло, как это было подано... Сразу понятно, в общем, что что-то там не то.

Первый момент, конечно — это горе, огромное горе. Потому что у него осталась семья, потому что у нас не осталось надежды. Это было большое горе и большая ярость. Это не обсуждалось даже, что надо ехать и делать.

Нас практически сразу задержали, мы даже не дошли до места. Мы шли, мы увидели автозак, куда сажали людей, мы просто остановились в нерешительности — и к нам сразу подошли. Мы не успели даже положить цветы, ничего не успели. Нас в автозаке было десять человек, и мы были не первой партией. Я

так поняла, что не последней. Все в автозаке сидели с цветами.

Они ничего не объяснили. Они просто сказали: «Пройдемте». Мы начали спрашивать, почему, что случилось. Они говорят: «Вы участвуете в акции». Мы говорим, нет, мы не участвуем ни в какой акции. Ну, разберемся в отделе. Все.

Оказывать сопротивление мы не стали. Никто не хамил, не угрожал, не поднимал руку. То есть мы шли в автозак сами, нас даже никто под локоток не вел. Очень все были вежливы. Мы сидели где-то минут сорок в автозаке, потом нас повезли в отдел.

В отделе мы около двух часов провели. С нас просто взяли объяснение, что мы «шли мимо». Никто не настаивал на том, чтобы мы назвали место работы или еще что-то. Предложили снять отпечатки пальцев — мы отказались, предложили фотографироваться без шапки — мы опять же отказались. Нас сфотографировали прям так и отпустили домой. С одним полицейским даже поговорили по душам.

Он просил меня сказать — так как типа мы стояли без регистраторов и без записывающих устройств — сказать честно, была ли это организованная акция. Я сказала, что нет, просто люди почувствовали боль и пришли. Он сказал: «Ну вы же его лично не знали». Я говорю, простите, когда школу в Казани, в Ижевске расстреливают, люди тоже несут цветы — это же не значит, что они там кого-то знали. Это просто горе.

И вы знаете, мне показалось, что там что-то такое в глазах где-то в глубине мелькнуло. Он сказал: «Ну да-да, все понятно, ничего такого плохого не делаете, просто такие законы». Я говорю, они же антиконституционные, вы должны это знать. Он говорит: «Ну, вот там федеральный закон, поправки...». Он как-то так замялся... В общем, я сделала такой вывод, что они сами не очень понимают, зачем все это нужно.

Во время акции памяти Алексею Навальному в Петербурге 17 февраля 2024 года. Фото: Reuters

Владимир Нимлас, Петербург

Задержан 17 февраля на Воскресенской набережной. Суд по административному материалу отложен до 29 февраля

После сообщения об убийстве Навального (еще и фотограф Дмитрий Марков умер) было какое-то тяжелое ощущение безысходности. Просто необходимо было хоть что-то сделать, любой символический акт, иначе невыносимо. Вроде это называется травма свидетеля — и таким образом она преодолевается. Чисто психологические и личные мотивы.

Мы, питерские ЛевСД^[2], хотели прийти с цветами коллективно, но разные графики не позволили,

поэтому каждый возлагал цветы как и где удобно. А у меня и вовсе не получилось.

Проблемы начались сразу. Цветочный магазин удалось отыскать только где-то в километре от Воскресенской набережной, причем гвоздик там уже не было.

Сам памятник полукругом окружали росгвардейцы, как обычно, мешая проходу граждан. Но людей все же пропускали, памятник утопал в цветах. И хотя наготове стояли автозаки, я решил, что задерживают только тех, кто долго стоит или фотографирует. И ошибся. Внезапно они цепью понеслись на людей в мою сторону, хватая всех подряд. Я успел бросить розочки на гранит — ну и, собственно, все.

Жестко. Ну, без особого насилия — не видел, чтобы кого-то избивали — но хватали, валили, тащили. Не было никаких объяснений. Уже в полиции узнал, что инкриминируют статью 20.2.2. КоАП^[3].

А люди к мемориалу все же как-то пробивались. Не задерживали тех, кто был с маленькими детьми или собакой, очень пожилых людей. При мне автозак стоял на набережной около часа, и за это время от цветов мемориал чистили два раза. Незабываемое зрелище, как росгвардейцы остервенело утрамбовывают цветы в черные патологоанатомические мешки — чем не символ вообще всего, что сейчас происходит.

В 74-м отделе полиции нам выделили шикарный актовый зал. Больше ничего шикарного там нет, и бедные менты работают в такой же нищете и разрухе,

в какой сидят задержанные. Три часа, когда все ждали оформления, были одними из самых приятных у меня за последние два года. Оказаться в компании 22 адекватных, умных, веселых, бесстрашных и абсолютно свободных людей — невероятная роскошь в наше время.

Само оформление было долгим и нудным, но привычным. Удивило агрессивное давление на тех, кто не хотел дактилоскопироваться. Какой-то эшник пытался фотографировать паспорта и лица, но этого легко отшили, а вот к дактилоскопии принуждали всем отделением, вплоть до начальника — с угрозами, угрозами, враньем, в общем, весь спектр. Почему-то очень им эта дактилоскопия была нужна: «Мы сейчас отправим у вас паспорт на проверку, найдем еще статью и поддержим тут, пока не дашь согласие».

После оформления всех развезли по другим отделам полиции. В 74-м остались только я и еще один член избирательной комиссии. Держали меня двое суток, но это потому, что я член избирательной комиссии с правом решающего голоса и для привлечения к административной ответственности нужно согласие прокурора города. Ждали решения прокурора. Через 48 часов он согласие дал.

Естественно, у нас отобрали телефоны и вообще все. Не разрешили взять в камеру даже еду и книжки. Первую ночь провели на голых нарах, во вторую нам выдали матрасы и разрешили передать спальники. Накормили дошираком и разрешили, наконец, взять воду и еду из передач.

Всегда скептически относился к каким-либо политическим действиям без шансов на практический результат, но сейчас пересматриваю свою точку зрения. Пожалуй, все сейчас важно — любая, даже самая символическая активность. Да, так режим мы не изменим, но нужно что-то делать на этих чертовых болотах, если жизнь и рассудок дороги нам. Как ни странно, из КПЗ^[4] я вышел куда меньшим пессимистом, чем был раньше.

Елена Кондратенко, Москва

Задержана 17 февраля у Стены скорби на Садовой-Спасской

Я никогда не была сторонником Навального, это правда — до того момента, пока его не отравили. Я юрист, и я совершенно не приемлю какие-либо внесудебные расправы. После этого его не выпускали из страны. Я была этим очень возмущена, везде об этом писала, говорила, что это незаконно, что это преступление. Я больше, наверное, даже Юлией восхищалась, чем самим Алексеем. Но когда он вернулся, я поняла, что человек готов идти на смерть ради своих убеждений.

Тогда я повнимательнее присмотрелась к тому, что он делал. Я по-прежнему не особо эти расследования принимаю, мне как юристу они не кажутся уж очень убедительными... Но то, о чем он говорил, то, за что он боролся, мне близко. Я тоже категорически против коррупции. Я никогда не брала и не давала взятки. Для меня это просто очень близко. А когда он вернулся, я, конечно, восхитилась его мужеством. И все эти годы

я смотрела, как он это борется за себя, как он даже в тюрьме не сдается.

Я не первый раз на акциях уже за эти годы. Люди запуганы, но любую возможность используют для того, чтобы выразить свое несогласие. Людей, идущих с цветами, было много. Они шли, шли и шли.

Полиция всех разгоняла, полиция не давала оставаться возле Стены. Я с ними поругалась. Сказала, что я буду здесь стоять, и они не могут меня отогнать. В первый раз меня оставили в покое. А вот когда я уже уходила, чтобы вызвать такси, меня и задержали. Сначала требовали, чтобы я пошла домой, но я отказалась. В конце концов полицейский схватил меня за рюкзак и потащил в автозак с большей скоростью, чем я могла идти. Я чуть ноги не сломала. Случайно осталась цела. Должна сказать, что он меня не бил — чего меня бить, он здоровый, а я маленькая. Но все остальное время полицейские были вежливые, тут ничего не могу против них сказать.

Никто не мог назвать причину моего задержания, хотя я требовала. Свой паспорт я не дала, сказала, что покажу его только из рук. Он записал мои данные, и я сидела в автозаке. Потом туда еще завели пять человек. Нас повезли в Зябликово, это бог знает где, метро Борисово. Хотели забрать у меня сумку и телефон. Я не дала, они со мной не стали связываться. Я одна осталась со своей сумкой, со своим пиджаком, со своим паспортом и со своим телефоном. Отказалась, естественно, откатывать пальцы и фотографироваться и все такое. Но других они откатали. Парней припугнули военкоматом. Но они не стали составлять протоколы,

а формально нас задержали как бы для проверки на причастность к совершению каких-то преступлений и взяли только письменное объяснение.

Когда я узнала, что его убили, для меня это было почти личным горем. Раз они его убили, теперь я/мы — Навальный. Раз они думают, что можно убить одного и все закончится, то пусть они знают, что нас много, и что мы теперь встанем на его место.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Разговор с Иваном записан 21 февраля.
2. Левое социалистическое действие. Владимир — активист этого движения.
3. Организация не являющегося публичным мероприятием массового-одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах.
4. Имеется в виду ИВС. Аббревиатура КПЗ (камера предварительного заключения) была широко распространена в советское время, но позже вышла из употребления.